

ЧАЙ БЕЗ ЧАЯ

ДЕНИС БАННИКОВ
Писатель и сценарист. Первое высшее — юридическое. Выпускник магистерской программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Победитель конкурса эссе в рамках проекта «Студен-

ческий Бунер — 2017». Член большого жюри премии «Национальный бестселлер» (2019). Преподаватель НИУ ВШЭ и Creative Writing School. Публиковался в журналах «Прочтение» и «Незнание». Родился и живет в Москве.

А она очень даже ничего. А он — просто ничего. Громов сидел у барной стойки, сидел на этом высоченном стуле без спинки и разглядывал сцену. На работе случилась планерка, обсуждали проект ко Дню защиты животных, так что Громов задержался и едва не пропустил автобус, который ходит раз в час (и то по пропуску), но с горем пополам все же добрался до дома, переоделся в чистое, впопыхах побрился, надушился, влез в ждавшие с весны туфли и помчался — вниз по эскалатору, вверх по эскалатору, сквозь тугие двери метро, сквозь еще одни двери, мимо какого-то колбасного магазина на первом этаже, вверх по лестнице, на второй этаж, к завесе сигаретного дыма.

Громов уселся в окружении кирпичных, поросших декоративным мхом стен; напротив барной стойки — панорамное окно, за окном — парковка. Грудь все еще ходила ходуном, рубашка прилипла к телу.

Туфли натерли.

Когда Громов пришел, подросток с серьгой в ухе (тонюсенькая цепочка тянулась от мочки до самого плеча) читал стихи. Плохо читал, невнятно, все время запинаясь, когда запинаясь — начинал по новой. Засвеченный полукруг сцены со всех сторон облепили такие же подростки — пили, курили, обжимались, перешептывались и как-то

неуверенно аплодировали в конце каждого четверостишия, чем, казалось Громову, только сильнее сбивали парня. Сколько-то это все длилось. Громов было подумал, что опоздал, расстроился, отчаялся, заказал морковный фреш и достал телефон, но тут на сцену вышла она. Рваные джинсы, приталенная блузка. В руках листы. Последние двадцать минут она читала текст, рассказывала историю, свою историю, страшную историю о той весне и том человеке, а Громов не спеша потягивал сок через соломинку, периодически ловя косые взгляды. То ли им не нравилось, что он заказал фреш, то ли их отвлекал булькающий звук.

Через какое-то время она спустилась со сцены, нашла вскинутую руку Громову, и они плюхнулись на освободившийся в углу зала диван. Веснушки, прямая челка по брови, разве что волосы она высветлила, а Громов помнил их черничными. Познакомились они в университете, вместе напились и закурились, что-то друг в друге разглядывали, повстречались, потом расстались. Громов уже и не помнил почему. А на прошлой неделе она ему позвонила, так внезапно, будто и не было всех этих пяти лет между, — взяла и позвонила, предложила встретиться.

Официант принес так называемый чай без чая, пузырь какой-то краснющей химозы на стеклянной подставке — свечка внутри.

Громов принялся разливать по чашкам, она спросила:

- Как тебе?
- А?
- Как тебе выступления? – подалась вперед.
- Я только... эм... я только парня застал.
- Классные стихи, скажи?
- Интересные. – Громов вернул чайник на подставку.
- Мне кажется, это прекрасно.
- Я не очень смыслю в поэзии. – Он отхлебнул.
- Да нет, я вообще. – Она развела руками. – Я о том, что такие места появляются... нет, ну они и раньше были, но... я имею в виду сейчас... каждый может написать и вот так выйти, поделиться. Прекрасно же. Людям важно поделиться с другими... рассказать, как оно было.

Громов, само собой, ни в какую целительную силу письма, ни в какую самотерапию не верил, но говорить об этом не стал. Он так рассудил, что сейчас редкое время, когда возвращение к норме считается прогрессом, а шаг назад, к привычному и знакомому, сойдет за движение вперед. Чай без чая, движение без движения. Почему бы и нет.

Громов отхлебнул и выдал емкое:

- Пожалуй.
- Она как-то хмуро поглядела на него, насупилась, а потом откинулась на спинку и произнесла куда тише, без прежнего энтузиазма:
- Ну, а у тебя как?
- Громов пожаловался на работу, на то, что их бизнес-центр теперь хрен знает где, в глухой промзоне, где сплошные трубы и ржавчина, а еще туда-сюда снуют бродячие собаки, выпрашивают лакомку.
- В центре еще ничего, но питомники трещат по швам, – заключил Громов. – Тут главное, чтоб не было, как в четырнадцатом.
- В четырнадцатом?
- Ну, как в Сочи.
- А...
- Мы, конечно, стараемся что-то придумать, – отхлебнул. – Но с кешем сейчас у всех напряженка, так что пока буксуем.

Громов еще что-то бормотал, но разговор у них не клеился. Все шутки, остроты – все мимо. Беседа утомляла, как беготня за улетевшими мячами. Пока говорила она, его взгляд устремлялся куда попало – падал на пресловутый мох, на плетеные перегородки и светильники. Когда говорил он, она смотрела перед собой и монотонно постукивала пальцами по столу. На фоне играла музыка.

В какой-то момент Громов осознал, что музыка эта живая – пускай репертуар был, прямо скажем, так себе, его забавляло, как подохрипший вокалист, пыжась и тужась, сжимает стойку, будто бы выдавливая нужные ноты из микрофона.

Так продолжалось, пока Громов не спросил:

- Слушай, твоя история...
- История? – будто оскорбилась.
- Ну, твой текст... – помедлил Громов. – Там все правда?
- Поправив челку, она живо наклонилась к нему, задрала голову, кончиком пальца отвернула верхнюю губу и указала на сколотый резец.
- Это после того, как его сократили, – пояснила она.
- Как же так?..
- Ну, он не захотел уезжать, вернее, релоцироваться...
- Нет, я о зубе...

– А... граненым стаканом, – произнесла она как-то даже гордо. – Ничего, могло быть намного хуже. – Пауза. – Бывало хуже.

- Мне очень жаль.
- Мне тоже.
- Пауза.
- Можно вопрос? – сказал Громов.

- Давай.
- Почему ты не ушла?
- Ушла?
- Ну, – помялся Громов. – Не бросила.
- Почему я не сбежала... – Она усмехнулась. – Я не сбежала, потому что я... я-то считала... потому что я все думала, что была сильной рядом со сложным человеком, была сильной в трудный период.

Громов подлил чая, и беседа как-то разгулялась. Вспомнили университет, себя в университете. Смотрели друг другу в глаза. Примерно через час они уже гуляли, мощеными дорожками вышли на набережную. Громов накинул ей на плечи свой пиджак, хотя сам подмерзал, да и пятки изнывали. Слава богу, подвернулся свободный автомобиль. Когда-то она и открыла ему дивный новый мир, привела в кинотеатр на природе. Экран натянули поверх каких-то строительных лесов, можно было подъехать и сидеть на ночном сеансе: никто не хрустит попкорном, не соплит и не кашляет, все места – места для поцелуев.

На стоянке никого.

Громов было обрадовался, но радости его заметно поубавилось, едва он понял, что они попали на ретроспективу того самого режиссера, чье

имя он так и не запомнил. Еще в университете она пыталась Громова этими фильмами, и все как один они казались ему претенциозной чепухой. Но ей они нравились, а она нравилась ему – вот и вся арифметика.

Громов стянул туфли, она сняла босоножки и закинула ноги на приборную панель: покрасневшие стопы и аккуратные ногти, выпуклые, розоватые, может – накладные, может – свои. Чуть опустили стекло. Начался фильм. Этот фильм Громов видел, лучше он не стал. Время от времени позади проезжали идиоты, нарочно давили на клаксон, мешая смотреть. Громова это не беспокоило. Он боролся с зевотой и поглядывал в сторону, подмечал, как кончиком языка она ездит по резцу. Как бугрится верхняя губа. На середине фильма внезапно потух экран. Громов оживился, но через пару минут картинка вернулась, так что они покидали парковку, наблюдая титры в зеркале заднего вида.

На одном из перекрестков, пока Громов играл в гляделки со светофором, она склонила голову набок, вздохнула и прошептала:

- Спасибо.
- За что?
- Ну как за что, – уже во весь голос. – За вечер.
- А... – сглотнул Громов. – Тебе спасибо.
- И за кино.
- Вот веришь, это не специально получилось.
- Ну да...
- Не, я серьезно!
- Как скажешь, – закатила глаза. – Как скажешь...
Полупустые улицы, доехали быстро.

Бросили машину, поднялись к нему. Громов держался из последних сил – так болели пятки, – а поскольку лифта в доме не было, подъем на восьмой этаж был не подъемом, а настоящим восхождением. Но вот лестничная клетка осталась позади, хлопнула дверь. Она сразу пошла в ванную, а Громов наконец стянул туфли. Больше никогда.

Громов включил музыку, шипел декантер, пока он разливал красное вино по бокалам, она пыталась совладать с помидорами черри, которые не хотели принимать никакого участия в салате. Болтали о том о сем, опустела миска, опустела бутылка, за ней другая, обе переместились под стол, а они переместились в спальню. Суматошные поцелуи, одежда полетела в стороны. Они плашмя упали на кровать. Громов целовал ее шею, под уверенным нажимом опускаясь все ниже и ниже, и вот уже он целовал внутреннюю сторону ее

бедра; и хотя не всегда Громов был, скажем так, тверд в намерениях, все случилось. А потом она пошарилась в джинсах и закурила, стряхивая пепел на простыню.

- Может, нам завести собаку? – спросила она.
- Нам? – растерялся Громов.
- Ну, скорее не завести, – затаилась, – взять с улицы, я имею в виду... – Выдох. – Я имею в виду спасти, ты же сам говорил.

Громов, который еще утром не рассчитывал становиться ничьим спасителем, молча кивнул, неожиданно для себя самого согласился. Еще пара затяжек, сигарета полетела в раскрытую дверь балкона, ее ладонь приземлилась на грудь Громова, – смотрела на него каким-то новым взглядом, каким смотрят разве что на иконы. А он смотрел на ее запястье, на белевшие в лунном свете рубцы, которые залезали один на другой, будто мазками на холсте. Громов пялился, а ей было все равно.

- Как хорошо, что все пришло в норму, – сказала она.

После чего облизнула посиневшие от вина губы и поцеловала его.

Кажется, уснула.

Громов, конечно, вспомнил, почему они расстались, и ему, само собой, не очень-то хотелось быть чьим-то шагом назад, возвращением к норме. Быть нормой. Громов возмутился, был готов разбудить ее, растолкать и сказать все это вслух, высказать в лицо, все это и еще много чего, снять с паузы ссору пятилетней давности. Еще долго он лежал на спине, вглядывался в плясавшие под толчком тени и раздумывал. А она дремала рядом и еле слышно дышала – казалось, все еще водила кончиком языка по резцу. Громов встал, чтобы отряхнуть кровать и почистить зубы. Смахивая пепел с простыни, он заметил у линии изножья пятна, красные на белом – очевидно, наследили его несчастные пятки.

Громов помялся на месте, покосился на бумажные полотенца, а затем вернулся в кровать, укрылся одеялом и поцеловал ее в ответ.

